

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КОКСА (материалы раскопок С.И. Руденко на Алтае)

© 2023 г. В. В. Горбунов^{1,*}, А. А. Тишкин^{1,**}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

**E-mail: tishkin210@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2022 г.

После доработки 09.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

Исследуется коллекция археологических предметов из собрания Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург). Она была получена в 1925 г. С.И. Руденко при проведении раскопок на территории Алтая. Приводятся подробные описания формы и конструкции предметов вооружения, поясной гарнитуры, орудий труда и быта. Представление о них дополняется точными размерами, графическими рисунками и фотоснимками. Рассматривается значительный корпус аналогий, на основе которых определяется датировка вещевого комплекса II–первой половиной IV в. н.э. Анализ инвентаря и погребального обряда позволил включить могилу из Коксы в круг памятников бело-бомского этапа булан-кобинской археологической культуры. Состав инвентаря свидетельствует о том, что данное захоронение принадлежало профессиональному воину-дружиннику, который занимал в военной иерархии уровень среднего командного состава в ранге сотника.

Ключевые слова: Алтай, сянбийское время, погребение, булан-кобинская культура, вооружение, снаряжение воина.

DOI: 10.31857/S0869606323020095, **EDN:** RFNGPZ

Среди археологического наследия Сергея Ивановича Руденко до сих пор имеются материалы, которые еще не полностью введены в научный оборот. В частности, к ним относятся результаты его раскопок в Ойротской автономной области около с. Кокса в 1925 г. (ныне с. Усть-Кокса Усть-Коксинского р-на Республики Алтай). Там на левобережье р. Катунь, ниже впадения в нее р. Кокса, в 250 м западнее окраины указанного населенного пункта, находился могильник из каменно-земляных насыпей. Три кургана были исследованы (Гаврилова, 1965. С. 6). План памятника, а также какая-либо информация об устройстве и содержании основных погребений в раскопанных курганах пока не обнаружены.

Значимые находки оказались во впускном погребении (а) кургана 1. Краткая информация об этой могиле и найденных в ней вещах приведена в монографии А.А. Гавриловой (1965. С. 55, 56). Исследовательница включила коксинское захоронение в группу могил берельского типа, отнесенных к IV–V вв. н.э. (Гаврилова, 1965. С. 57). Однако предметы из этого объекта так и не были введены в научный оборот. Они хранятся в коллекции № 4392 собрания Государственного Эр-

митажа и имеют такую внутреннюю нумерацию: 4392/1–23. Авторами статьи специально изучались данные материалы, сделаны их рисунки и осуществлена фотофиксация (рис. 1–3). В процессе такой деятельности уточнены многие детали, касающиеся атрибуции изделий коксинской коллекции, а поиск аналогий позволил определить более точную датировку и культурную принадлежность, что делает актуальным издание полученных результатов.

Судя по информации, приведенной в описи коллекции, насыпь кургана 1 имела диаметр 12 м и высоту 0.9 м. При ее снятии на глубине 0.3 м были обнаружены скелеты лошади и человека, которых положили на спину в вытянутом положении, головами на восток. Инвентарь этого впускного захоронения представлен несколькими предметными комплексами: вооружение, костюм, орудия труда и быта.

Находки, составлявшие комплекс вооружения, наиболее многочисленны и относятся к двум категориям: оружие и доспех. Среди наступательных средств присутствуют такие виды, как лук, стрелы, боевой нож и меч, а среди оборонительных – панцирь.

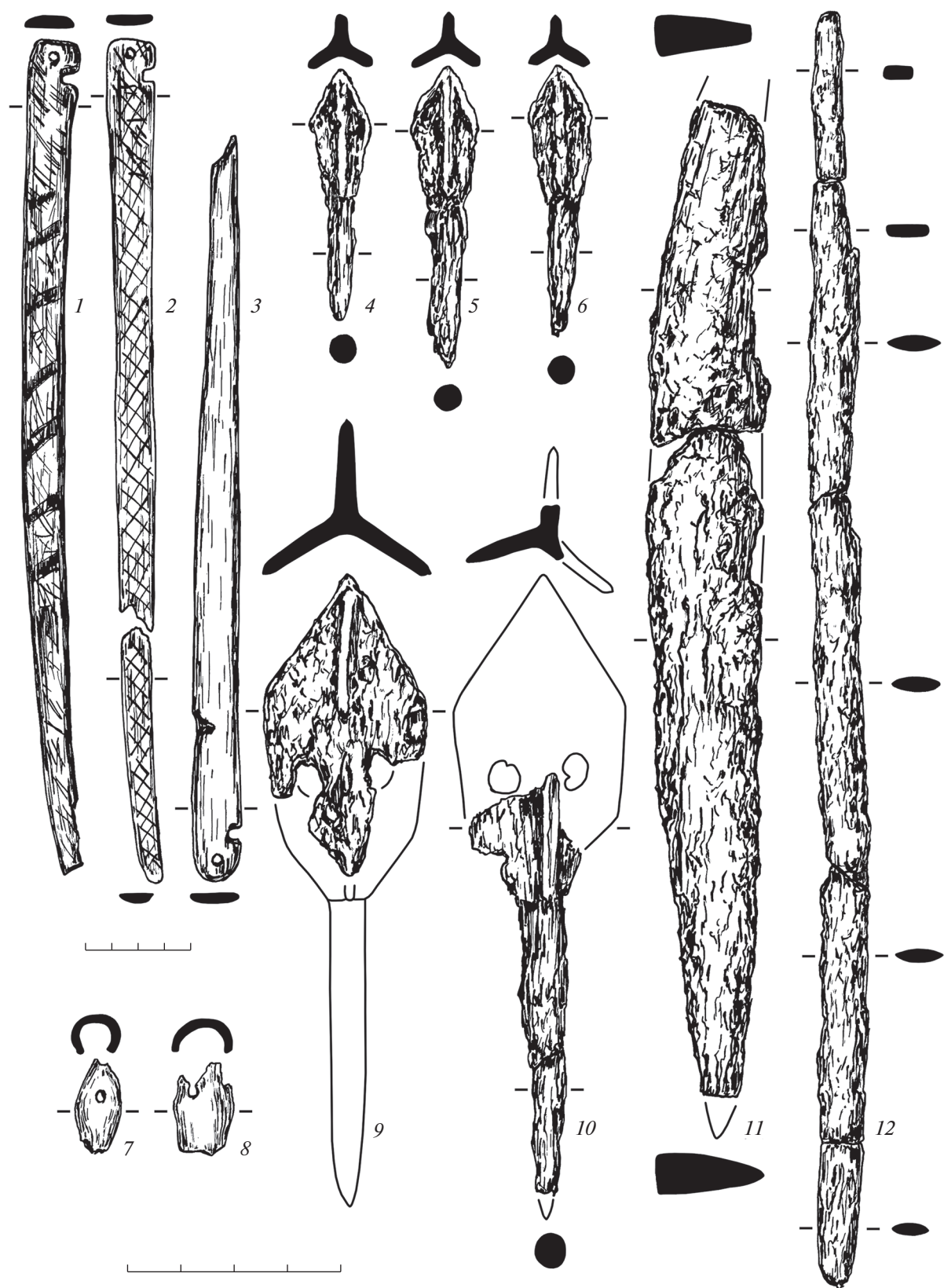

Рис. 1. Предметы вооружения из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – накладки лука; 4–6, 9, 10 – наконечники стрел; 7, 8 – свистунки; 11 – нож; 12 – меч. 1–3, 7, 8 – кость; 4–6, 9–12 – железо.

Fig. 1. Items of weapons from the entry burial to mound 1 of the Koksa burial ground

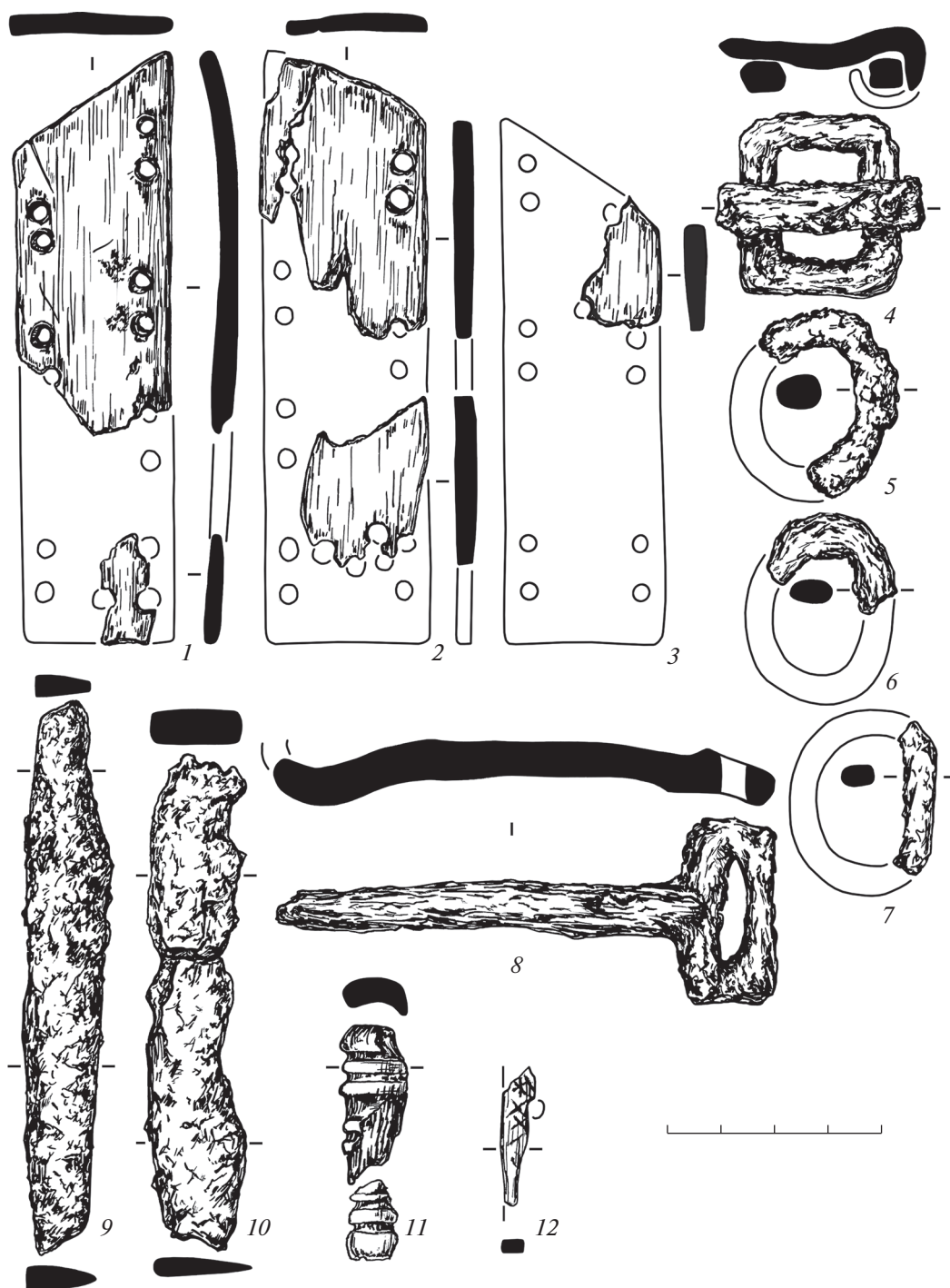

Рис. 2. Предметы вооружения, костюма, труда и быта из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – панцирные пластины; 4 – пряжка; 5–7 – кольца-распределители; 8 – пряжка-крюк; 9, 10 – ножи; 11 – трубка; 12 – неопределимое изделие. 1–3 – рог; 4–10 – железо; 11, 12 – кость.

Fig. 2. Items of weapons, clothing, labour and everyday life from the entry burial to kurgan 1 of the Koksa burial ground

К остаткам сложносоставного лука относятся три костяные (роговые) накладки. Все они концевые боковые, т.е. располагались на окончаниях кибити лука и крепились на нее с боковых сторон. Две накладки имеют схожие параметры и форму.

Они явно составляли пару и изготовлены из плавно изогнутых пластин, на ассоциативном уровне похожих на запястье. Один конец у них заужен, а другой расширен. Расширенная часть накладки (головка) срезана относительно ровно, с легким

Рис. 3. Инвентарь из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – накладки лука; 4–6, 9, 10 – наконечники стрел; 7, 8 – свистунки; 11, 21, 22 – ножи; 12 – меч; 13–15 – панцирные пластины; 16 – пряжка; 17–19 – кольца-распределители; 20 – пряжка-крюк; 23 – трубка; 24 – неопределимое изделие. 1–3, 7, 8, 23, 24 – кость; 4–6, 9–12, 16–22 – железо; 13–15 – рог.

Fig. 3. Goods from the entry burial to mound 1 of the Koksa burial ground

наклоном и снабжена вырезом для тетивы, а по центру — круглым отверстием. В поперечном сечении накладки имеют сегментовидную форму (с прямой тыльной стороной и выпуклой лицевой). Тыльная поверхность изделий заштрихована крупной диагональной сеткой и с дополнительными линиями в верхней части. Лицевая поверхность покрыта более мелкими, в основном диагональными линиями. На ней также заметны следы потертостей от семи полос, видимо, связанных с какой-то жесткой обмоткой.

Первая из этих накладок (4392/12а) сохранилась практически полностью и имеет лишь небольшие разрушения в узкой части. Ее длина — 31.2 см, наибольшая ширина — 1.9, толщина — до 0.4, высота и глубина выреза под тетиву по 0.6, диаметр отверстия — 0.3 (рис. 1, 1; 3, 1). Вторая накладка состоит из двух подбирающихся фрагментов (4392/12б, в). Ее общая длина — 31.6 см, остальные параметры те же, что и у предыдущего изделия (рис. 1, 2; 3, 2). Третья накладка (4392/11а) при совпадении основных признаков отличается тем, что ее головка закруглена. Она имеет небольшие разрушения на торце узкой части и на одном из боков. Тыльная поверхность покрыта крупной сеткой, лицевая оказалась без штриховки. Длина накладки — 28 см, наибольшая ширина — 2, толщина — до 0.3, высота выреза под тетиву — 0.5, а глубина — 0.6, диаметр отверстия — 0.3 (рис. 1, 3; 3, 3).

Представленные накладки относятся к луку “хуннского” типа. Он включал комплекты из семи или шести накладок, из которых две пары были концевыми — верхняя более длинная, а нижняя более короткая (Горбунов, 2006. С. 23, 24). Коксинские находки представляют собой лишь части лука или его обломки, положенные в погребение в качестве замены целого изделия. По оформлению они повторяют некоторые хуннские (сюннские) образцы (Давыдова, 1996. Табл. 12, 3, 4; Миняев, 2007. Табл. 63, 1, 2), а среди ближайших аналогий можно указать на находки в памятниках горных и лесостепных районов Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 14, 15. Рис. 3, 4).

От стрел сохранились железные наконечники с трехлопастным пером и черешковым насадом двух типов. Первый из них представлен тремя близкими экземплярами мелких параметров с пером ассиметрично-ромбического абриса (4392/3, 4, 6). Их общая длина составляет 4.7–5.7 см, длина пера — 2.5–2.6 (его наибольшая ширина 1.2–1.3), максимальный диаметр черешка — 0.5–0.6 (рис. 1, 4–6; 3, 4–6). На одном из этих наконечников (4392/4) в месте перехода пера в черешок остались небольшие фрагменты костяной (роговой) свистунки (рис. 1, 5; 3, 5). В коллекции есть еще две отдельные половинки таких же свистунок с круглыми отверстиями (4392/7, 8), вероятно, от

данных наконечников. Они имеют длину 1.7 см, ширину до 0.9–1.1, диаметр отверстий 0.15 (рис. 1, 7, 8; 3, 7, 8).

Экземпляры наконечников стрел аналогичных параметров с ассиметрично-ромбическим очертанием пера часто присутствуют среди археологических материалов Центральноазиатского региона. Они есть в памятниках хунну (сюнну), сяньби (сяньбэй), кокэльской и таштыкской археологических культур и бытовали на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, 2–6; 25, 1–7; 36, 1, 2; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, 28). Однако на территории Алтая такие наконечники зафиксированы лишь в комплексах II–V вв. н.э. и неизвестны в более раннее время (Горбунов, 2006. Рис. 23, 17, 26; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 42. Рис. 1, 24–27).

Второй тип наконечников представлен двумя фрагментированными изделиями с пером шестиугольного абриса. У одного из них сохранилась существенная часть пера с фигурными отверстиями в лопастях, но разрушено его основание и нет черешка (4392/2). У другого сохранились черешок и основание пера (4392/5). Однако эти фрагменты не стыкуются между собой, что позволяет считать их разными экземплярами одного типа. Реконструируемая общая длина изделий — около 12 см, длина пера — 6.1 (его наибольшая ширина 3.2), размеры отверстий в лопастях — 0.6 × 0.4, максимальный диаметр черешка — 0.8 (рис. 1, 9, 10; 3, 9, 10). Не исключено, что одна свистунка большего диаметра (рис. 1, 8; 3, 8) может относиться к наконечникам этого типа.

Наконечники стрел с шестиугольным пером были известны у хунну (сюнну) во II в. до н.э. — I в. н.э., но у них они имели меньшие пропорции (Худяков, 1986. Рис. 5, 1). Крупные экземпляры, в том числе с отверстиями в лопастях, характерны для вооружения ряда культур Центральной Азии II–V вв. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 25, 24; 36, 22; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, 27). На Алтае шестиугольные наконечники небольших размеров найдены уже в памятниках раннего этапа булан-кобинской культуры II в. до н.э. — I в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, 7), а крупные изделия были распространены на среднем и позднем этапе — II–первая половина V в. н.э. (Горбунов, 2006. Рис. 23, 28; 24, 16, 30; Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 1, 31, 32).

К боевому ножу можно отнести два железных обломка (4392/9, 13), подбирающихся в единую конструкцию. Данный нож имеет однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, немало выпуклый обух и наклонный в сторону лезвия черен трапециевидного сечения с остатками тлена от деревянной рукояти. Переход клинка в черен со стороны лезвия оформлен покатым плечиком-уступом. Сохранившиеся параметры изде-

лия такие: общая длина — 18.5 см, длина клинка — 13.5, его ширина — до 2.1, толщина обуха — до 0.7, средняя ширина черена — 1.7 (рис. 1, 11; 3, 11). Аналогичные ножи известны в памятниках хунну (сюнну), кокзельской и таштыкской культур (Кызласов, 1960. Рис. 30, 8; 51, 7; Дьяконова, 1970. Табл. X, 22, 33; Коновалов, 1976. Табл. XVI, 3, 5, 8), но более часто они фиксируются в погребениях булан-кобинской культуры II—первой половины V в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 76, 77. Рис. 63, 2—5; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 36, 37. Рис. 1, 46).

Железный меч из Коксы представляет собой целое, но поврежденное во многих местах изделие (4392/1). Он имеет двухлезвийный клинок, с небольшими плечиками в месте перехода к прямому черену. Сечение у клинка линзовидное, а у черена прямоугольное. Острие клинка скруглено, что указывает на его применение преимущественно для рубящего удара. Общая длина меча — 94.5 см, длина клинка — 77.4, наибольшая ширина — 4, толщина — до 1.2, длина черена — 17.1, ширина — до 3.1, толщина — до 1 (рис. 1, 12; 3, 12).

Обоюдоострые мечи без металлического перекрестья и навершия известны в памятниках хунну (сюнну) II в. до н.э. — I в. н.э. (Миняев, 2007. Табл. 30, 13, 14; Ковалев и др., 2011. С. 331). Они позднее распространились на запад, где присутствуют в сарматских и среднеазиатских археологических комплексах I—V вв. н.э. (Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 7, 1; Левина, 1996. Рис. 85, 1; Хазанов, 2008. Рис. 10, 1; 12, 1; 13, 1). На Алтае аналогичный меч обнаружен на памятнике булан-кобинской культуры II в. до н.э. — I в. н.э. (Худяков, 1997. Рис. 1, 14). Ближе к середине I тыс. н.э. такие мечи претерпели изменения, получив два штифта на черене для крепления обкладки рукояти. Аналогичный экземпляр известен в булан-кобинском памятнике второй половины IV — первой половины V в. н.э. (Тетерин, 2004. Рис. 8, 1). Следовательно, коксинский меч может датироваться периодам от II в. до н.э. до первой половины IV в. н.э.

Панцирь в коксинском погребении символизируют пластины, сделанные из рога. От них сохранилось всего шесть фрагментов (4392/20), из которых можно реконструировать три пластины (рис. 2, 1—3; 3, 13—15). Все они имели четырехугольную форму со скошенным верхним краем. К первой пластине отнесены два фрагмента. Более крупный из них представляет собой верхнюю часть с краем, скошенным справа налево. Его наибольшая длина — 7.1 см, ширина — до 2.9, толщина — до 0.4. Вдоль длинных сторон расположены парные отверстия. По правой стороне две пары сохранились целиком и еще одно отверстие обломано. По левой стороне полностью сохранилась одна пара, а у второй одно отверстие обломано. Диаметр отверстий составляет 2—3 мм. Более

мелкий фрагмент пластины относится к ее нижней части. Его размеры — 2 × 0.9 × 0.3 см. У него наблюдаются остатки трех отверстий, два из которых составляли пару вдоль правой стороны. Общая длина всей пластины могла достигать 11 см, а система отверстий, видимо, включала четыре боковых пары по длинной стороне и три пары по более короткой. Еще одно отверстие у нижнего края могло появиться в результате починки изделия (рис. 2, 1; 3, 13).

Ко второй пластине отнесено три фрагмента. Два из них состыковались между собой и образовывали крупный фрагмент верхней части пластины с краем, скошенным слева направо. Его наибольшая длина — 5.2 см, ширина — до 3.1, толщина — до 0.3. Также вдоль длинных сторон имеется по одной паре отверстий, а с правой стороны — обломанное отверстие от еще одной пары. Слева и выше двух отверстий есть еще одно. Оно неровное и, видимо, починочное. Диаметр отверстий — 2—3 мм. Еще один фрагмент пластины, относящийся к ее нижней части, имеет размеры 3.1 × 2.3 × 0.4 см. У него наблюдаются остатки пяти отверстий, расположенных весьма хаотично, что указывает на вторичное назначение большинства из них при ремонте изделия. Общая длина этой пластины также могла достигать 11 см. Она имела аналогичную с первой пластиной систему отверстий, только четыре боковых пары в данном случае находились слева по длинной стороне, а три пары — справа по более короткой (рис. 2, 3; 3, 14).

К третьей пластине отнесен один небольшой фрагмент размерами 2.4 × 1.5 × 0.4 см. Он демонстрирует угол верхней части пластины, край которой был скошен слева направо. У него сохранились два обломанных отверстия диаметром 3 мм, не образующих видимой системы. Можно предположить, что данная пластина имела меньшую длину, чем две предыдущие (около 9.7 см). По длинной стороне у нее могли быть три пары боковых отверстий, а по короткой — две пары (рис. 2, 3; 3, 15). В этом случае она могла бы соединяться со второй пластиной, образуя продолжающийся ряд с наклонным верхом.

Коксинские пластины относятся к ламеллярной структуре бронирования, подразумевающей их соединение между собой при помощи ремешков или шнуров через систему отверстий. На территории Алтая панцирные пластины четырехугольной формы из кости или рога применялись с VII в. до н.э. по II в. н.э. В большей степени они были характерны для лесостепного населения (Горбунов, 2017. С. 100. Рис. 1, 2; Лихачева, 2020. С. 105, 106. Рис. 62, 1—7). Однако все эти изделия имели прямой верхний край. Только в более западных материалах саргатской культуры III/II в. до н.э. — III в. н.э. известны похожие, но не идентичные костяные пластины со скошенным вер-

хом (Матвеева и др., 2004. С. 88. Рис. 6, 4, 5). Пластины со скошенным верхним краем, но сделанные из железа, найдены на памятнике сяньбимуюнов Шиэртай начала–первой трети IV в. н.э. Там они использовались для набора бронированного воротника (Горбунов, 2015. С. 11, 12. Рис. 2, 2–5). Весьма вероятно, что и коксинские пластины собирались в горизонтальный ряд, верхний край которого образовывал двухсторонний подъем треугольного типа, характерный для панцирных воротников. Однако нельзя полностью исключать их применения и для оформления других частей панциря – например, вырезы под руки или декорирование нагрудника (Горбунов, 2017. Рис. 1, 11).

Датировка пластин из Коксы пока может быть определена в рамках II в. до н.э. – III в. н.э. На территории Алтая со II в. до н.э. стал применяться железный доспех, который известен на всех этапах развития булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 33. Рис. 1, 17, 18; 2020. С. 37. Рис. 1, 47). Видимо, находка остатков рогового панциря отражает завершающую стадию бытования брони из подобного материала на Алтае и связана с традициями населения лесостепных районов Западной Сибири.

К элементам костюма человека относится железная гарнитура от основного и стрелкового поясов: пряжка с подвижным язычком (4392/14-2, 16), кольца-распределители ремней (4392/15, 18, 19) и пряжка-крюк (4392/14-1).

Пряжка от основного пояса имеет прямоугольную рамку размерами 3.5×3 см, толщиной до 0.6. Ее язычок в месте загиба вокруг рамки обломан. Его длина – 3.8 см, ширина – до 1, толщина – до 0.4 (рис. 2, 4; 3, 16). Такие пряжки встречаются уже у хунну (сюнну), а на Алтае известны по ранним булан-кобинским памятникам II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. XI, 6–7; XII, 8; Давыдова, 1996. Табл. 26, 3, 8; 27, 16; Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, 48; Миняев, 2007. Табл. 46, 2; 71, 4). Прямоугольные пряжки укороченных пропорций, как у экземпляра из Коксы, согласно последним типологическим наблюдениям, относятся к периоду I в. до н.э. – первая половина IV в. н.э. (Матренин, 2017. С. 43. Рис. 9, 7, 8).

От трех колец-распределителей сохранились обломанные фрагменты. По ним можно установить, что все кольца имели овальную форму. Их размеры такие: длина – 3.5–3.6 см, ширина – 2.7–3.1, толщина – 0.4–0.8 (рис. 2, 5–7; 3, 17–19). Эти изделия восходят к хуннским (сюннским) и ранним булан-кобинским образцам, отличаясь абрисом (овальный вместо круглого) и меньшими размерами, которые, как правило, составляют комплект с рамчатыми пряжками с подвижным язычком (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 33. Рис. 1,

25–28). Аналогичные наборы есть в памятниках сяньби (сяньбэй) конца I–III в. н.э. (Раскопки..., 1985. Рис. 14, 9, 10). Для территории Алтая время бытования овальных кольчатых распределителей обозначается рамками II–V вв. н.э. (Матренин, 2017. С. 95. Рис. 21, 4).

Пряжка-крюк относится к стрелковому поясу. Изделие имеет петельчатое основание прямоугольной формы, от середины которого отходит стержень с загнутым окончанием. Последняя деталь обломана, и остается только предполагать, заканчивалась ли она поперечной планкой или простым завершением без нее. Общая длина находки – 9.3 см, размеры петли – 3.4×1.7 , ее прорезы – 1.9×0.4 , ширина стержня – до 1.2, толщина – до 0.7 (рис. 2, 8; 3, 20).

Крюки с петельчатым основанием стали заменять обычные пряжки на стрелковых поясах со II/III в. н.э. и бытовали до середины VI в. н.э. на территории от Центральной Азии до Восточной Европы (Матренин, 2017. С. 13, 14). Вероятнее всего, они появились в среде кочевников сяньби (сяньбэй) и от них были заимствованы другими номадами. Многие из таких крюков имеют поперечную планку. У населения Алтая пряжки-крюки с петельчатым прямоугольным основанием также в основном имеют поперечную планку. Такие экземпляры характерны для булан-кобинских комплексов середины III – первой половины V в. н.э. (Матренин, 2017. С. 14, 16. Рис. 2, 1–4, 10, 17). Крюки с аналогичным основанием, но без планки пока зафиксированы только в памятниках Булан-Кобы IV и Степушка (Матренин, 2017. С. 15; Тишкин и др., 2018. Табл. 14, 3), которые относятся к развитому (бело-бомскому) этапу булан-кобинской культуры и датируются II–первой половиной IV в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 34).

Орудия труда представлены двумя железными рабочими ножами. Первый нож (4392/10) – уменьшенный аналог боевых булан-кобинских изделий. У него однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, слегка выпуклый обух и наклонный в сторону лезвия черен трапецевидного сечения. Со стороны лезвия переход клинка в черен оформлен покатым плечиком-уступом. Навершие черена и окончание клинка обломаны. Параметры изделия следующие: общая длина – 10.3 см, длина клинка – 7.2, его ширина – до 1.6, толщина обуха – до 0.4, средняя ширина черена – 1 (рис. 2, 9; 3, 21).

Второй нож состоит из двух подбирающихся фрагментов (4392/1, 2). Он имеет однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, немного выпуклый обух и наклонный черен прямоугольного сечения. И клинок, и черен повреждены. Переход между ними не выражен или разрушен. Размеры предмета следующие: общая длина –

9.2 см, длина клинка — 5.5, его ширина — до 1.7, толщина обуха — до 3.5, средняя ширина черена — 1.6 (рис. 2, 10; 3, 22).

Оба ножа весьма характерны для булан-кобинских комплексов Алтая II—первой половины V в. н.э. и не известны в памятниках более раннего времени (Тишкин и др., 2018. С. 126. Табл. 36, 37; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 39. Рис. 3, 28–30).

К бытовым предметам можно отнести костяную трубочку, от которой сохранилось два обломка (4392/21). Изделие представляет собой усеченный конус с более широкой верхней частью. Его лицевая поверхность декорирована валиками — широкими на окончаниях и узкими (не менее шести) посередине корпуса. Общая длина предмета — около 4.5 см, толщина — до 0.4, внешний диаметр — 1–1.5, диаметр отверстия — 0.6–0.9 (рис. 2, 11; 3, 23).

Подобные костяные трубочки довольно широко использовались у хунну (сюнну), а также у населения Южной и Западной Сибири на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Тишкин и др., 2018. С. 130). На Алтае они фиксируются уже в ранних булан-кобинских памятниках (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 35. Рис. 2, 14–17). Однако изделия с нарядным вырезным корпусом обнаружены лишь в комплексах II—первой половины IV в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 39). Наиболее близки трубочке из Коксы находки из могильников Айрыдаш I и Степушка (Тишкин и др., 2018. Табл. 39, 2; Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 3, 32).

Отдельно следует рассмотреть вопрос о функциональном назначении костяных трубочек. Археологи трактуют его по-разному (Тетерин, 2016. С. 92), но чаще всего в литературе они называются “игольниками”, с определенной долей сомнения (Давыдова, 1995, С. 29; 1996. С. 19; Савинов, 2009. С. 67). В свое время авторами настоящей статьи высказано предположение о возможном ином назначении данных предметов (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 35). Дальнейшие исследования позволили связать трубочки с рукоятями плетей (Тетерин, 2016. С. 93; Тишкин и др., 2018. С. 130). Однако вряд ли правильно считать сами трубочки основой для рукояти (Тетерин, 2016. С. 93; Серегин и др., 2022. С. 94). Их небольшие длина и диаметр для многих экземпляров делают неудобными эти вещи для удержания в ладони и слишком легкими для того, чтобы создавать достаточный противовес кнуту. Скорее всего, они служили своеобразными наконечниками-подтоками на торец деревянной рукояти (длиной 25–75 см), как это реконструируется для похожих деталей тюркских плетей (Кубарев, 2005. С. 78. Рис. 23). Можно также отметить, что в булан-кобинских погребениях известны и наверхия рукоятей плетей с отверстиями для темляка (Тишкин,

Горбунов, 2006. Рис. 2, 18, 19; Тишкин и др., 2018. Табл. 39, 3, 4).

К неопределимым предметам коксинской коллекции относятся обломок костяного изделия (4392/6/н) и семь мелких фрагментов железа (4392/17, 23). Сохранившаяся длина костяного изделия — 2.5 см, ширина — до 0.6, толщина — 2. На нем читаются следы от разрушенного отверстия диаметром 3 мм. На лицевой поверхности прочерчены пересекающиеся линии (рис. 2, 12; 3, 24). Считать эту вещь обломком еще одной накладки лука не позволяют прямоугольное сечение и отсутствие штриховки на тыльной стороне.

Рассмотренные аналогии дают возможность датировать публикуемый вещевой комплекс из Коксы в пределах II—первой половины IV в. н.э. Его нижнюю хронологическую границу очерчивают такие предметы, как наконечники стрел, ножи, кольца-распределители и трубочка-подток, типы которых не известны на территории Алтая ранее II в. н.э. Верхнюю границу определяют такие изделия, как меч, пряжка и трубочка-подток, чьи типы не известны на Алтае позднее середины IV в. н.э. Наличие костяных (роговых) панцирных пластин, вероятно, позволяет сузить верхнюю границу данного комплекса до III в. н.э. Если пряжка-крюк все-таки имела поперечную планку на окончании, то тогда нижнюю границу тоже можно сузить до второй половины III в. н.э. Если пряжка-крюк была без планки, то хронология комплекса остается в рамках II—III вв. н.э.

Наличие в захоронении из Коксы таких предметов, как накладки лука, наконечники стрел, ножи, меч, пряжка с подвижным язычком, кольчатые распределители и трубочка-подток связано с наследием хуннской (сюннской) культурной традиции, подвергшейся определенной местной переработке. Пряжку-крюк можно связать с влиянием сяньбийской (сяньбэйской) традиции, а наличие костяного (рогового) панциря — с контактами с населением западносибирской лесостепи (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 37, 42).

В целом облик инвентаря, обнаруженного в коксинском захоронении, характерен для белобомского этапа булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 1–3). Этому заключению не противоречат сведения о погребальном обряде данного объекта: ингумация в сопровождении коня, с одинаковой ориентацией обоих костяков (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 34). Устройство впускных захоронений в курганы более ранних кочевников фиксируется у населения булан-кобинской культуры именно на белобомском этапе, начало которого приходится на становление во Внутренней Азии державы Сяньби. Западные походы сяньбийских (сяньбэйских) войск (151–155 гг.) способствовали появлению на Алтае остатков разбитых племен, с которыми мо-

гут быть связаны вещи хуннской (сюннской) группы, неизвестные на раннем этапе булан-кобинской культуры. Распад державы Сяньби (Сяньбэй) в 235 г. также мог способствовать новым подвижкам населения. Очевидно, что увеличение населения на Алтае в сяньбийское (сяньбэйское) время нашло отражение в практике сооружения впускных захоронений (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 42).

Погребение из могильника Кокса, безусловно, принадлежало мужчине-воину, который обладал достаточно высоким профессиональным статусом. Это подчеркивает наличие в могиле сразу пяти видов вооружения (панцирь, лук, стрелы, меч, боевой нож), среди которых панцирь и меч наиболее престижные и одновременно служат профессиональными маркерами. Однако имущественный статус погребенного находился на среднем уровне, о чем свидетельствуют не очень большое разнообразие вещей, отсутствие среди них высокохудожественных или драгоценных изделий, наличие одной лошади, впускной характер захоронения. Вероятно, этот воин-дружинник мог иметь ранг сотника.

Авторы статьи выражают благодарность хранителю Государственного Эрмитажа, канд. ист. наук С.В. Панковой за возможность детального изучения коллекции № 4392.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-18-00470.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница сяньби-мююнов // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Шестой Международ. науч.-практ. конф. Ч. II / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2015. С. 3–20.
- Горбунов В.В.* Особенности военного дела племен кулайской культуры на юге Западной Сибири (I в. до н.э. – середина IV в. н.э.) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Д'Принт, 2017. С. 99–105.
- Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995 (Археологические памятники сюнну; вып. 1). 287 с.
- Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; вып. 2). 175 с.
- Дьяконова В.П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О.* Элитный хуннский курган Хух удзуурийн дугуй II–I в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск, 2011. С. 329–342.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 198 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Лихачева О.С.* Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: Колмогоров И.А., 2020. 304 с.
- Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И.* Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язеве-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 85–99.
- Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2017. 142 с.
- Миняев С.С.* Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007 (Археологические памятники сюнну; вып. 3). 233 с.
- Раскопки группы гробниц народности сяньбэй в Лаохэшэнь в Юйшу, Цзилинь (Археологическая команда провинции Цзилинь) // Вэньу. 1985. № 2. С. 68–82. (На кит. яз.)
- Савинов Д.Г.* Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. 226 с.
- Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П.* Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2022 (Археологические памятники Алтая; вып. 5). 276 с.
- Тетерин Ю.В.* Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2004 (Труды

- гуманитарного факультета Новосибирского гос. ун-та. Сер. II; вып. 1). С. 37–82.
- Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 87–96.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 111–115.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. № 3. С. 33–46.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018 (Археологические памятники Алтая; вып. 3). 368 с.
- Хазанов А.М. Избранные труды: Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 294 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. 1997. № 2. С. 28–37.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 2000. № 5. С. 37–48.

A WARRIOR'S BURIAL OF THE BULAN-KOBY CULTURE AT THE KOKSA BURIAL GROUND (materials of excavations by S.I. Rudenko in Altai)

Vadim V. Gorbunov^{a, #}, Alexey A. Tishkin^{a, ##}

^aAltai State University, Barnaul, Russia

[#]E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

^{##}E-mail: tishkin210@mail.ru

The article discusses the collection of archaeological items from the State Hermitage Museum (St. Petersburg) which were obtained by S.I. Rudenko during his excavations in Altai in 1925. The paper provides detailed descriptions of the shape and design of weapons, belt sets and household tools, supplemented with the data of exact dimensions, drawings and photographs. The authors consider a significant body of analogies based on which the complex of artefacts is dated from the 2nd – first half of the 4th century AD. An analysis of the goods and the funeral rite made it possible to include the burial from Koksa in the circle of the Belyi Bom stage sites of the Bulan-Koby archaeological culture. The composition of the goods indicates that the burial belonged to a professional man-at-arms of the middle command level in the military hierarchy in the rank of centurion.

Keywords: Altai, the Xianbei period, burial, the Bulan-Koby culture, weaponry, warrior equipment.

REFERENCES

- Davydova A.V., 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolga archaeological complex], 1. Ivolginskoe gorodishche [The Ivolga fortified settlement]. St. Petersburg: AziatIKA. 287 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 1).
- Davydova A.V., 1996. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolga archaeological complex], 2. Ivolginskiy mogil'nik [The Ivolga burial ground]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 175 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 2).
- D'yakonova V.P., 1970. Large mound cemeteries at the Kokel burial ground (based on the results of excavations in 1963, 1965). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Tuva combined archaeological and ethnographic expedition]*, III. *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground]*. L.P. Potapov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 80–209. (In Russ.)
- Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.
- Gorbunov V.V., 2006. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military art of the population of Altai in the 3rd–14th centuries AD], II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Offensive armaments (weapon)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 232 p.
- Gorbunov V.V., 2015. Heavy cavalry of the Xianbei Murong. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy Shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [War and weapon. New research and materials: Proceedings of the Sixth International scientific and practical conference]*, II. S.V. Efimov, ed. St. Petersburg: Voennohistoricheskiy muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi, pp. 3–20. (In Russ.)

- Gorbunov V.V., 2017. Peculiarities of the military art of the Kulai culture tribes in the south of Western Siberia (1st century BC – mid-4th century AD). *Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremena [Cultures and peoples of Northern Eurasia: a look through time]*. M.P. Chernaya, ed. Tomsk: D'Print, pp. 99–105. (In Russ.)
- Khazanov A.M., 2008. Izbrannye trudy: Ocherki voennogo dela sarmatov [Selected works: Studies on military art of the Sarmatians]. 2nd edition. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 294 p.
- Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armaments of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.
- Khudyakov Yu.S., 1997. Armaments of the nomads of the Altai Mountains during the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). *Izvestiya laboratorii arkheologii [Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*, 2, pp. 28–37. (In Russ.)
- Khudyakov Yu.S., Yuy Su-Khua, 2000. Xianbei armament complex. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*, 5, pp. 37–48. (In Russ.)
- Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 221 p.
- Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Iderkhangay T.-O., 2011. The elite Xiongnu mound of Khukh udzuuriin dugui II–1 in Bulgan sun (Khovd Province) and its significance for the reconstruction of the Xiongnu funeral rite (preliminary report). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baidk Siberia]*, 2. Irkutsk, pp. 329–342. (In Russ.)
- Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S., 1987. Arms complex of the Kenkol warrior. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military art of the ancient population of Northern Asia]*. V.E. Medvedev, Yu.S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 75–106. (In Russ.)
- Kubarev G.V., 2005. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Culture of the ancient Altai Turks (based on materials from burial sites)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 400 p.
- Kyzlasov L.R., 1960. Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny [The Tashtyk period in the history of the Khakass-Minusinsk Hollow]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 198 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Likhacheva O.S., 2020. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.) [Armament and military art of the population of the forest-steppe Altai in the Early Iron Age (8th–1st centuries BC)]. Barnaul: Kolmogorov I.A. 304 p.
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. [The gear of Altai nomads in the 2nd century BC – 5th century AD]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 142 p.
- Matveeva N.P., Potemkina T.M., Solov'ev A.I., 2004. Some issues of reconstructing defensive weapons of the Sargatka culture bearers (based on the materials of the Yazevo-3 burial ground). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, 4(20), pp. 85–99. (In Russ.)
- Minyaev S.S., 2007. Dyrestuyskiy mogil'nik. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [The Dyrestui burial ground. Archaeological sites of the Xiongnu], 3. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 233 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 3).
- Savinov D.G., 2009. Minusinskaya provintsia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.) [Minusinsk province of the Xiongnu (based on materials of archaeological research in 1984–1989)]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 226 p.
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P., 2022. Severnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I) [Northern Altai during the Migration period (based on materials from the Karban-I archaeological complex)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 276 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya, 5).
- Teterin Yu.V., 2004. Armaments of Gornyy Altai nomads during the Berel period. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military art of the peoples of Siberia and Central Asia]*. Yu.S. Khudyakov, ed. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 37–82. (Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya II, iss. 1). (In Russ.)
- Teterin Yu.V., 2016. Lash (scourge) handles of the Xiongnu nomads of South Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History. Philology]*, vol. 15, no. 3, pp. 87–96. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2006. The Altai Mountains in the Xiongnu period: cultural and chronological analysis of archaeological material. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 111–115. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2020. Altai in the Xianbei period: cultural and chronological analysis of archaeological materials. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 33–46. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 368 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya, 3).
- Excavation of the Xianbei group of burials at Laoheshen in Yushu, Jilin (Jilin Provincial Archaeological Team). *Ven'u [Wenwu]*, 1985, 2, pp. 68–82. (In Chinese).